

> МАТИС ТРАЛЪ >

НИНА ПЕТРОВСКАЯ

Sanctus Amor

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ0

Художественное оформление
Натальи Портяной

Петровская, Нина Ивановна.
ПЗ0 Sanctus Amor / Нина Петровская. — Москва :
Эксмо, 2026. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).
ISBN 978-5-04-227957-7

Нина Петровская (1879–1928) — яркая представительница женского прозы Серебряного века, широко известная в кругах московских символистов. Была музой Андрея Белого, Валерия Брюсова, Сергея Ауслендера. В 1911 году навсегда эмигрировала из России.

Центральной темой ее творчества стал фатальный разрыв между мечтой о совершенной, почти мистической любви и реальностью земных отношений. Типичный герой Петровской — вечно тоскующий декадент, одинокий мечтатель, ищущий свой идеал. Ему является загадочная и часто жестокая дама: дарит мгновения счастья, но обрекает на страдания. Эти надломленные души блуждают по туманным улицам, их грезы и воспоминания смешались с холодным светом луны.

В книгу вошли сборник «Sanctus Amor» («Святая любовь»), созданный под впечатлением разрыва с Брюсовым, и рассказы из периодики.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

SANCTUS AMOR

Посвящаю Сергею Ауслендеру

ОНА ПРИДЕТ

Утро. Сегодня двадцатое сентября. Я сижу на балконе, курю и думаю.

Бог знает, о чем я думаю в этот час осенней меланхолической тишины. Может быть, даже я и не думаю, а просто прислушиваюсь, как колеблются мои чувства определенно мерным дневным ритмом, просто отдыхаю после ночи.

Я давно уже не люблю и пугаюсь ночей. Сон мой прерывист и тревожен. Проснешься. Один.

Смотришь в тьму, слушаешь, как глухо бьется сердце, и приходят безнадежные горькие мысли — об одиночестве, о старости, о смерти. Тогда уже ничему не веришь, и душа каменеет.

Так вот, я отдыхаю от ночи и бесцельно смотрю вокруг.

Далеко за деревьями высокая железнодорожная насыпь, а над ней узкой полоской бирюзовое небо.

Точно тянутся рядом две ленты — желтая и голубая.

Около меня пустая заколоченная дача. В том палисаднике тоже облетают деревья, а в клумбе острыми палками торчат высокие обломанные стебли георгин.

Над желтыми березами с надорванным криком проносятся вороны. Мимо балкона по дороге мед-

ленно ползет чей-то запоздалый воз. Высоко качается велосипед. На солнце ярко горят колесные спицы, а рядом с детской колясочкой, на самом краю телеги, примостилась маленькая черная собачка и смотрит вдумчиво.

Самовар совсем потух. Сегодня я не читал даже газет...

Выхожу на дорогу. Тихо. Только листья шуршат под ногами, да протяжно кричат вороны. Отхожу в сторону. Прячусь за кустами. Сажусь под березой и уютно прижимаюсь к широкому стволу. Как хорошо, что никто не видит моего лица!

Маленькие серые мошки с прозрачными крылышками ползают по рукам.

Скоро, скоро, может быть, завтра, многие из них умрут от первого утреннего мороза, и ветер понесет неизвестно куда их маленькие холодные трупы.

Думаю о них. О странно короткой жизни, черпающей силы из солнечного луча, о их покорной, молчаливой смерти и улыбаюсь черным движущимся точкам.

Свистящей змеей вдали проносится поезд.

Встаю на пригорок и долго машу платком. В чьих-нибудь глазах запечатлется фигура одинокого человека с белым платком.

Кому-нибудь, может быть, приснится белый платок на золоте листьев — привет неизвестной души.

Проходит час или больше — не знаю. Золотые лучи льются с ненужной лаской.

Все равно — медленно иссохнет трава, на деревьях обнажатся острые черные сучья, и северный ветер, как поздняя жалоба истомленного сердца, со свистом понесется над полями.

Я проснулся сегодня поздно. Ночью слышал под окнами шепот и шелест листьев.

Кто приходил к моим окнам? Не женщина ли, которая напрасно ждала меня целый вечер? Или никого не было, и только осень шепталась с ночью о ряде праздников, что она думает устроить. Об иллюминациях из падающих звезд, о деревьях, для которых скорее нужно приготовить самые яркие прощальные наряды.

Не знаю, кто был под моими окнами, но я не спал и не тушил свечи.

Я не спал еще и потому, что к ночи всегда падаю духом и думаю о том, что нужно забыть.

Да, те, кого ждал, не пришли. Праздник не состоялся, и вот сердце онемело.

Третьего дня я убежал от одиночества и всю ночь просидел на платформе с гимназистом.

Его товарищи давно учатся, а он все здесь.

Молодая дама, которую он любил три месяца, уехала с мужем за границу.

Когда она стояла у окна вагона, в нарядном дорожном платье, с букетом роз и улыбалась знакомым, гимназист спрятался за бочками, что ждали товарного поезда, и плакал.

— Я на будущий год кончаю гимназию, — говорил он горько, — а в это утро плакал, как пригостишка.

Так вот мы сидели с гимназистом. Он с язвительной улыбкой говорил о своей разбитой жизни, а в станционном саду шумели березы, и по линии горели зеленые огни.

Боже мой, какая хорошая была эта ночь! Мне вспоминалось счастье и мои восемнадцать лет. В эту ночь я видел самый пленительный сон.

Сегодня я не мог обедать. Котлеты так и стыли до вечера.

К моим окнам пришел шарманщик и долго играл что-то знакомое, невыносимо грустное. Я уверен, что он играл не для меня.

Сначала думал о том пяточке, что, завернув в бумажку, я брошу через загородку, а потом забыл и замечтался сам.

Я слушал, и опять ко мне пришли ночные горестные мысли.

Думал о женщине, что придет вечером. О женщинах, которые приходят по вечерам в наши одинокие комнаты.

Вот наступает вечер, и они идут. Каждая со своей маленькой, нежной тайной.

Ни один из встречаемых не узнает, какой дар несет она сегодня.

Это будет известно только на рассвете, когда мужчина длинным взглядом проводит ее, уходящую.

Тогда в его глазах, как в раскрытой книге, можно будет прочесть — приходило это счастье или только его больная безжизненная тень.

Солнце заходит в тучи. Желто-ржавой полоской сквозит из-за деревьев холодная заря.

Надеваю пальто и поднимаю воротник.

Осенью темнеет быстро. Не успею выкурить двух папирос, как стемнеет совсем.

Скоро придет женщина. Моя душа покорно никнет. Я уже чувствую себя выхваченным из обычного строя чувств и начинаю лихорадочно дрожать.

Так всегда перед встречами с ней. Хочу их и знаю — не нужно.

Пальцы стынют от холода. Березы шуршащими листьями говорят со мной о счастье.

Оно проходило по этой дороге мимо них. Они не забыли.

Оказалось не то. Ко мне просто пришла не та женщина, которую я ждал, и праздник не состоялся. Это случается часто. Ждут одну, а приходит другая. Сначала не знаешь, а потом...

Вот она подходит к калитке. Идем на балкон, садимся на ступеньках.

— Я ждала тебя вчера, — говорит она с легким упреком. — Почему не пришел?

— А это не ты приходила к моим окнам ночью? — спрашиваю я.

— К твоим окнам? Ночью? — удивляется она. — Что за странные у тебя мысли? Зачем бы пришла я к твоим окнам? Вчера, ожидая тебя, я укладывала вещи — ведь завтра мы едем. А ночью вернулся муж.

Смотрю на нее. Маленькая. Закуталась в белый платок. Лицо спокойное. Так разговаривают жены на пятый год брачной жизни.

Ночь прильнула к деревьям. Березы молчат и думают что-то долгое, упорное, жестокое.

В груди у меня невеселая, странная легкость.

— Так, значит, это не ты приходила к моим окнам? — спрашиваю я, улыбаясь.

А вот та, другая, о которой я тоскую всегда, — она пришла бы. Кто знает, не простояла ли бы она там до утра... Правда, она побледнела бы за ночь, у ней не было бы твоих цветущих щек... Но как бы мы встретились утром!

— Что ты говоришь? — не понимает она. — Кого ищешь? Если ты ждешь кого-то еще, значит, ты не любишь меня. Или от одиночества и праздности у тебя такие безумные мысли?

О, какая у меня легкость в груди!

Мне тепло, я смеюсь, точно пьян я сегодня.

— Слушай, — говорю я просто, — это ошибка. Ты не та — вот и все. Она могла бы иметь твое лицо, твои прекрасные глаза, твой нежный, умный лоб, но пришла все же не она, а ты.

Вот ты в час свидания аккуратно укладываешь вещи, а после спокойно спишь рядом с твоим мужем в вашей семейной спальне... А у той, которую я жду, не будет ничего, кроме любви, потому что ее душа от века отдана мне.

Она встает со ступенек. Маленькая. В белом платке.

— Да, — говорит она, гордо выпрямляясь, — ведь это один из наших обычных разговоров.

— Я должна бросить мужа, должна думать о тебе и день и ночь, до рассвета страдать у твоих окон... Что должна я делать еще?

Но ты забываешь, что кроме любви есть еще жизнь.

Слово «жизнь» она произносит, как угрозу. Ходит по дорожке. Глаза у нее, наверно, острые, холодные...

А впрочем, какое дело мне до ее глаз! Подходит близко. Берет мои руки.

— Тобой завладело безумие, — говорит она грустно. — Опомнись! Разве есть на свете такая любовь!

Боже мой! Я смеюсь, я точно пьян. А березы все думают свое, злое, беспощадное, упорное.

— Ну, довольно, — говорю я просто. — Я только не знаю, почему мы расстаемся именно сегодня, а не полгода назад и не в первый час первой встречи. Видит Бог, не знаю.

— Что ж, прощай, — говорит она оскорбленно. — Даже из любви к тебе я не перестану быть собой.

Протягиваю руку. Смотрю в лицо еще раз, с последней надеждой.

Нет! Не та.

Опять ночь. Но мне не заснуть. Только плотней застегну пальто и останусь на балконе.

Некоторое время борюсь с тяжелым оцепенением. Я совсем обессилен этой встречей. Но мне хорошо.

Никто не смотрит в лицо, никто не язвит обидой, не называет «безумным».

Я опять могу думать о чем хочу неспешными волнами набегающих мыслей.

... Она, та, которую жду я всю жизнь, — она придет!.. В эту ночь где-то далеко или близко она томится по мне, никнет, как бледный стебель без солнца.

Она придет, и жизнь тихо озарится изнутри.

Каждое мое слово вызовет глубокий гармонический отзвук в ее поющей душе, и мне не нужно будет кричать, как с глухими.

Может быть, она совсем близко, и только дни между нашей встречей... Или она далеко, на севере... У нее смуглое, словно изваянное из камня лицо, а в глазах цветет любовь и синяя глубь суровых фиордов.

Она придет! Она придет, — говорю я, прижимая к груди холодные руки. И плачу.

Ночь с извечной печалью прильнула к земле и шепчет черными губами: придет!.. после смерти.

1904

Ложь

Кто ты? Я видел тебя два раза и не знаю, была ты или приснилась. Постой. Я вспоминаю. Мы стояли где-то наверху. Пахло влажной землей, над головами низко свешивались широкие вырезные листья. Непонятное и грубое шумело внизу. Белые столики рядами